

Мозгунова Наталия Геннадьевна

РОЛЬ ИЕРОДЬЯКОНА ФЕОДОСИЯ В "ДЕЛЕ" ПАТРИАРХА НИКОНА

Статья посвящена участию оппозиционно настроенной части высшего духовенства в формировании "дела" патриарха Никона. Основное внимание в работе автор уделяет материалам следственных дел иеродьякона Феодосия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 138-141. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).047

Статья посвящена участию оппозиционно настроенной части высшего духовенства в формировании «дела» патриарха Никона. Основное внимание в работе автор уделяет материалам следственных дел иеродьякона Феодосия.

Ключевые слова и фразы: дело патриарха Никона; ссылка; иеродьякон Феодосий; донские казаки; духовный отец С. Разина; оппозиция.

Наталья Геннадьевна Мозгунова

Кафедра истории России

Московский педагогический государственный университет

fevroniya87@yandex.ru

РОЛЬ ИЕРОДЬЯКОНА ФЕОДОСИЯ В «ДЕЛЕ» ПАТРИАРХА НИКОНА[©]

Многогранной деятельности патриарха Никона посвящена обширная литература. Вместе с тем остаются проблемы, требующие специального изучения, в частности, вопрос о роли оппозиционно настроенной части высшего духовенства в формировании «дела» патриарха Никона и ее влиянии на судьбу опального патриарха, находившегося в ссылке. Так, анализ роли иеродьякона Феодосия в «деле» патриарха Никона позволяет рассмотреть определенную логику действий церковной оппозиции в указанный период.

Конфликт Никона с царем за сохранение самостоятельности и привилегий церкви закончился его уходом с патриаршей кафедры и последовавшей за тем опалой: 10 июля 1658 г. Никон «дал место цареву гневу» – оставил патриарший престол и уехал в Воскресенский монастырь. По утверждению клирика И. Шушерина, составившего жизнеописание патриарха Никона, иеродьякон Феодосий впервые появился в Воскресенском монастыре именно в этот период [7, с. 36, 37]. По его свидетельству, Феодосий, живший ранее у Крутицкого митрополита Питирима – личного врага Никона [14, с. 47-52] – быстро вошел в доверие к Никону. Он говорил патриарху о митрополите Питириме «много зла, называя его мучителем и блудником» [7, с. 37]. Никон иеродьякону Феодосию не только «благоволил жить в братстве», но и по просьбе того, «не ведая коварства», взял с собой в Крестный монастырь [Там же, с. 37-39]. Когда во время поездки Никон почувствовал себя плохо, то подозрение в попытке отравления опального патриарха пало на иеродьякона Феодосия.

Никон поручил находившимся при нем слугам провести следствие, что и было сделано с явным пристрастием: подозреваемых – Феодосия и его сообщника – портного мастера Тимошку Гаврилова – многократно пытали. В результате расследования Феодосий написал патриарху повинную, в которой он признался, что пытался отравить Никона по поручению Крутицкого митрополита Питирима и Чудовского архимандрита Павла [4, ч. 1, с. 95, ч. 2, с. 497-504; 16, д. 140, ч. 1, л. 295а]. Никон обвинил указанных иерархов церкви в покушении на его жизнь: 7 июня 1660 г. направил из Крестного монастыря царю отписку о попытке его отравления, а 28 июня этого же года в письме боярину Н. А. Зюзину описал подробности происшествия [4, ч. 1, с. 95, ч. 2, с. 497-504; 16, д. 140, ч. 1, л. 295а, 266-268, 283-290; 18, с. 189, 190].

Иеродьякон Феодосий с сообщником, а также материалы следствия по их делу, были отправлены в Москву. По указу царя Алексея Михайловича 5 сентября 1660 г. было проведено новое расследование [4, ч. 1, с. 95, ч. 2, с. 497-504; 16, д. 140, ч. 1, л. 295а, 266-268, 283-290]. Согласно официальной версии царских следователей, иеродьякон Феодосий, не выдержав пыток патриарших слуг, оговорил себя, а покушения на жизнь Никона в данном случае не было [Там же]. Но по утверждению И. Шушерина, противоречившему официальной версии, попытка покушения все-таки была доказана следствием: Феодосий «вину во всем принес», и царь прислал к патриарху в Воскресенский монастырь окольничего Р. Стрешнева спросить, что «сделать дьяку Феодосию: смертною ли казнью казнити... или в дальнюю ссылку сослати, или свободному бытии...?». Никон ответил, что пусть «о дьяконе том великий Государь укажет по своей воле» [7, с. 39, 40].

Позже Никон, в ходе суда над ним на Соборе 1666 г., в присутствии вселенских патриархов вновь обвинил Крутицкого митрополита Питирима и Чудовского архимандрита Павла в организации попытки отравления. Представителям церковной иерархии пришлось защищаться и на очередном заседании Собора предъявлять материалы сыского дела иеродьякона Феодосия [12, с. 358].

В историографии нет однозначного ответа на вопросы: была ли попытка покушения на жизнь Никона; имели ли иерархи отношение к этому делу; каковы последствия данного события для иеродьякона Феодосия?

Так, по мнению Н. И. Субботина, «черный дьякон Феодосий сделал попытку отравить его» [24, с. 46, 47]. Н. А. Гиббенет, исследовавший материалы «дела патриарха Никона», пришел к выводу, что подозреваемые оговорили себя, не выдержав пыток патриарших слуг, которые пытались угодить патриарху – «замешать в это дело лиц, влиятельных, стоявших во главе духовенства» [4, ч. 1, с. 91]. По поводу судьбы иеродьякона Феодосия исследователь заметил: «Чем это дело закончилось – неизвестно» [Там же, с. 96]. По мнению современного историка А. П. Богданова, «царские следователи полностью подтвердили существование заговора на жизнь Никона, но его враги – церковные иерархи – вышли сухими из воды. Казни подвергся один Феодосий» [1, с. 76, 77].

Необходимо отметить, что сама логика открытого противостояния царя и опального патриарха уже предполагала, что представители церковной иерархии, активно поддерживавшие царя в конфликте с патриархом, в результате государственного расследования оказались бы невиновными, что, видимо, нашло свое естественное отражение в официальных документах следствия. Вопрос же о судьбе иеродьякона Феодосия, который все-таки не был казнен, будет рассмотрен ниже, так как для данного исследования этот факт представляет определенное значение.

Никон, осужденный Собором 1666 г., лишенный архиерейского сана и священства, был сослан в Ферапонтов монастырь, где прожил почти десять лет [18, с. 316]. Находясь в ссылке, Никон узнал, что восставшее казачество в агитационных целях широко использовало его имя: в «прелестных грамотах» объявлялось о его участии в восстании, слухи утверждали, что он плыл по Волге с казаками в специальном струге, обитом черным бархатом [8, с. 111], появились «грамоты» с «его» печатью [10, с. 80, 81].

5 июня 1671 г. пристав С. Наумов докладывал царю, что ссыльный Никон неоднократно расспрашивал своих келейников о С. Разине: где живет, чем занят, и говорил, что, когда поймают воровских казаков, то его, Никона, писем «не вымутъ» [19, с. 479]. И позже, в 1673 г., Никон писал царю, что его «стрельцы... безчестили, будто я своего чернца отпускаю с воровским писмом. А у меня воровского писма никуда на посылавано и нигде не объявлялось. А слышал я, что была такая речь в народе, будто я с вором Стенькою Разиным списываюся, и сам будто у него бываю» [Там же, с. 477].

За рамками данного исследования остается вопрос о попытках восставших установить контакты с Никоном, о чем опальный патриарх сам свидетельствовал, но при этом полностью отрицал всякое сотрудничество с бунтовщиками [6, с. 369], а также вопросы, возникшие в ходе «розыскного дела» С. Разина и его сподвижников в Москве – «расспросные и пыточные речи», на которые позже, на Соборе 1676 г., будут ссылаться враги Никона [Там же, с. 356].

В данном случае интерес представляет возможный для разинцев источник информации и слухов о Николе – «духовный отец С. Разина поневоле» – черный поп Феодосий.

В. И. Буганов, комментируя «расспросные и пыточные речи» разинцев, опубликованные в сборнике документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», подготовленном Е. А. Швецовым [10, с. 177], обратил внимание на такой факт: «Интересно, что черный поп Феодосий, отец духовный Степана Разина, в свое время был у Никона в Воскресенском монастыре “во дяконех”» [3, с. 124, 139, 140]. Современный историк С. В. Лобачев, говоря о попытках разинцев установить контакты с Никоном, отмечает: «Любопытно, что духовным отцом Разина одно время был черный поп Феодосий, тот самый, который якобы намеревался отравить Никона в Крестном монастыре» [11, с. 251].

Хотелось бы отметить, что наибольший интерес вызывает не сам факт того, что «духовный отец С. Разина по неволе» оказался человеком, ранее прожившим полтора года в Воскресенском монастыре, вошедшим в доверие к Никону и ставшим участником скандально известного дела о попытке отравления опального патриарха, а ход расследования дела этого черного попа Феодосия, в прошлом – иеродьякона.

Введенные в научный оборот [10, с. 172, 173, 177] и неопубликованные архивные документы [17, стб. 712, л. 65-68, 75-78, 81, 88-94] дела духовника С. Разина – черного попа Феодосия - свидетельствуют о ходе следствия, которое было проведено в Москве уже после подавления восстания и казни его предводителей, в ноябре-декабре 1671 г. Так, согласно «выписи в доклад» Разрядного приказа от 11 ноября 1671 г., свидетели утверждали об активном участии черного попа Феодосия в восстании: «всякие воровские Стеньки Разина замыслы ведал... многие пакости и поругания чинил» [10, с. 172; 17, стб. 712, л. 60, 61]. В декабре 1671 г., согласно государеву указу, поп Феодосий был доставлен из Холкова монастыря в Москву. Из его «расспросных речей» в Разрядном приказе стало известно, что он, до того как «на Дону вору Стеньке Разину учинился отец духовный поневоле», «жил у Никона в Воскресенском монастыре... во дяконех», был обвинен в попытке его отравления, «сослан в Кабаловский монастырь и с того монастыря освобожден по государевой грамоте» [Там же]. Поп Феодосий в «расспросных речах» о событиях своей жизни очень краток, в том числе и о самом важном вопросе для следствия – его роли духовника С. Разина, что и понятно. Но обращает на себя внимание его подробное описание участия в «деле» отравления Никона, что дает основание предположить, что в силу сложившихся обстоятельств ему было выгодно не только отвлечь внимание следствия от своего «воровства», но и, возможно, напомнить власти об указанном эпизоде.

Кроме данного факта имя опального патриарха Никона в «расспросных речах» ни ближайшего сподвижника С. Разина – его духовника чернца Феодосия, ни свидетелей этого дела не упоминается, что несколько противоречит логике расследования. Так как летом этого же года в ходе «розыскного дела» С. Разина, привезенного и казненного в Москве, царь Алексей Михайлович лично составил круг вопросов, которые необходимо было выяснить боярам во время следствия. Из десяти вопросов, составленных царем, три касались предполагаемого участия Никона в народных волнениях [10, с. 80, 81].

Согласно помете, сделанной под «расспросными речами» духовника С. Разина 14 декабря 1671 г., по указу царя чернец Феодосий «для роспросу и розыску отослан на Патриарший двор» к патриарху Иоасафу, где и был расстрижен того же числа [10, с. 177; 17, стб. 712, л. 73]. 18 декабря 1671 г. под «выписью в доклад» о присылке в Москву свидетеля по делу попа Феодосия, попа Симеона Козла, и записью об отсылке его в Патриарший приказ» сделана помета: «Роспросные речи отосланы в Патриарший приказ, а ис Патриарша приказу отосланы в приказ Сыскных дел к боярину ко князю Якову Никитичю Одоевскому да к думному к дьяку к Лариону Иванову» [Там же].

Ближний боярин Я. Н. Одоевский одновременно с деятельностью в приказе Сыскных и других приказах возглавлял приказ Казанского дворца, проводивший следствие и расправу над восставшими разинцами [2, с. 281; 15, с. 7]. При таких обстоятельствах маловероятно, чтобы в ходе расследования дела духовника Разина боярин Я. Н. Одоевский не обратил бы внимание на вопрос о роли Никона в действиях восставших. Отсутствие в следственных материалах информации по этому вопросу дает основание предположить, что подобные факты в ходе сыска просто не были обнаружены.

Думный дьяк Ларион Иванов, который вместе с Я. Н. Одоевским участвовал в ходе расследования дела черного попа Феодосия, неоднократно привлекался царем Алексеем Михайловичем с различными поручениями в «деле» Никона [5, с. 1289; 13, с. 80]. После смерти Алексея Михайловича, в 1678–1681 гг., именно Ларион Иванов вошел в круг ближайших советников молодого царя Феодора Алексеевича по церковным вопросам [20, с. 439, 440, 445; 23, с. 37-48]. В это время, благодаря усилиям Феодора Алексеевича и вопреки воле патриарха Иоакима, произошла реабилитация патриарха Никона – посмертное возвращение ему сана и священства [22, с. 417]. Осведомленность и причастность дьяка Лариона Иванова как к «делу» Никона и последующей его реабилитации, так и к расследованию дела духовного отца С. Разина, может служить косвенным доказательством несостоятельности обвинения Никона в «политической измене» – в сотрудничестве с восставшими донскими казаками.

Как уже указывалось, согласно материалам следствия Разрядного приказа, чернец Феодосий и его свидетель «для роспросу и розыску» были отосланы (14 и 18 декабря 1671 г. соответственно) «на Патриарший двор к патриарху Иоасафу». Но к этому времени из-за болезни престарелого патриарха Иоасафа церковными делами фактически руководили личные враги Никона, будущие патриархи – архимандрит придворного Чудова монастыря Иоаким и Новгородский митрополит Питирим, который по царскому указу выехал из Новгорода в Москву 10 декабря 1671 г. [25, с. 317]. Митрополит Питирим оставался в столице до смерти патриарха Иоасафа в июне 1672 г., после чего занял патриарший престол [12, с. 609].

Несохранившиеся документы архива Патриаршего приказа не дают возможность ответить на вопрос: кто – Новгородский митрополит Питирим или Чудовский архимандрит Иоаким – вел «роспрос и розыск» черного попа Феодосия? Но и тот, и другой были активными участниками «дела» Никона, лицами, не заинтересованным в получении доказательств его невиновности в сотрудничестве с «бунтовщиками». Бывшие ставленники Никона [21, с. 53], они были радикально настроены против опального патриарха и его возможной реабилитации, к чему в конце своей жизни склонялся царь Алексей Михайлович, и о чем свидетельствует его предсмертное желание вернуть Никону патриарший сан [9, с. 362].

После смерти Алексея Михайловича, спустя пять лет после подавления восстания, оппозиция обвинила Никона в «сношениях с бунтовщиками», т.е. в государственной измене, ссылаясь при этом на «пыточные и расспросные речи» разинцев [6, с. 341-363]. Но в решении Собора 1676 г., осудившего Никона, не были учтены материалы сыска дела черного попа Феодосия – духовного отца С. Разина, активного участника восстания, человека хорошо знавшего низложенного патриарха. Этот факт можно объяснить только одной причиной: видимо, материалы данного дела не содержали доказательств причастности бывшего патриарха Никона к восстанию донского казачества и поэтому не представляли интереса для оппозиции.

Список литературы

1. Богданов А. П. Патриарх Никон // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 51-117.
2. Богоявленский С. К. Приказные судьи в XVII в. М. - Л., 1946. 316 с.
3. Буганов В. И. Разин и разинцы. М., 1995. 336 с.
4. Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. 270 с.; СПб., 1884. Ч. 2. 1124 с.
5. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1852. Т. 3.
6. Дело о патриархе Никоне: издание археографической комиссии по документам Московской Синодальной библиотеки. СПб., 1897. 511с.
7. Известие о рождении и о воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871. 215 с.
8. Иностранные известия о восстании Степана Разина / под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975. 192 с.
9. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. 375 с.
10. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. III. 324 с.
11. Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003. 412 с.
12. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. 671 с.
13. Николаевский П. Ф. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском Соборе 1666 года. СПб., 1886. 143 с.
14. Полознев Д. Ф. Архиерейский корпус при патриархе Никоне и конфликты в нем // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. 10. С. 47-52.
15. Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина // Русская беседа. 1857. Ч. I. 237 с.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 27. Оп. 1.
17. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол.
18. Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. 397 с.
19. Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона: переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007. 776 с.
20. Седов П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб., 2006. 604 с.

21. Смирнов П. С. Иоаким, патриарх Московский. М., 1881. 85 с.
22. **Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.** М., 1828. Ч. IV. 678 с.
23. Соловьева Т. Б. Церковное управление в России и государственные проекты его реорганизации 1681-1682 гг. // Государственные учреждения России XVI–XVII вв. М., 1991. С. 37-48.
24. Субботин Н. И. Дело патриарха Никона: историческое исследование по поводу XI тома «Истории России» проф. Соловьева. М., 1862. 253 с.
25. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. 384 с.

HIERODEACON THEODOSIUS'S ROLE IN PATRIARCH NIKON'S "CASE"

Nataliya Gennad'evna Mozgunova
Department of Russian History
Moscow State Pedagogical University
fevroniya87@yandex.ru

The author studies the participation of senior clergy's opposition-minded part in Patriarch Nikon's "case" formation, and pays special attention to the materials of hierodeacon Theodosius's investigative cases.

Key words and phrases: Patriarch Nikon's case; exile; hierodeacon Theodosius; Don Cossacks; spiritual father of S. Razin; opposition.

УДК 93(470.6)

Статья подводит некоторые историографические итоги изучения северокавказской общины XIX века в отечественном кавказоведении. Автор дает обобщенную характеристику балкарской общины - основной социальной единицы этнического социума, в рамках которого обеспечивалась вся полнота его экономических, социокультурных и политико-административных функций до начала XX века.

Ключевые слова и фразы: историография; горская община; общественное устройство; Северный Кавказ; Балкария; XIX век.

Елена Георгиевна Муратова, д.и.н.
Кафедра истории России
Кабардино-Балкарский государственный университет
lena_gm@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРСКОЙ ОБЩИНЫ XIX ВЕКА[©]

Общественное устройство горцев Северного Кавказа уже на раннем этапе изучения региона вызывало пристальный интерес исследователей. По оценке специалистов, теоретический уровень ученых XIX века был сравнительно высок, многие из них представляли общину в универсально-историческом плане. М. О. Косвен считал, что уже в начале 1840-х гг. русская наука вплотную подошла на Кавказе к проблеме родового строя и соседской общины [4, с. 209]. В труде С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия на Кавказе» вся предшествующая русская историография общественного строя на Кавказе получила обобщение, а сама проблема – глубокую разработку. С. М. Броневский, согласно М. О. Косвену, дал первую в истории характеристику общественного строя в этом регионе: «Крестьяне... или коренные жители Кавказа есть многолюднейшее и полезнейшее сословие... Они не привязаны к земле, а принадлежат дворянам и князьям наследственно, на некоторых условиях, и только потому не могут называться вольными хлебопашцами, что суд и расправа и земская полиция находятся в руках у помещиков. Однако в случае явного притеснения, наипаче у горских народов, крестьяне разбираются с помещиком своим третейским судом, призывая для сего посторонних князей и дворян, также приглашают в важных делах для совета народных старшин...» [1, с. 48].

Историографию проблемы горской общины нельзя рассматривать вне общероссийской теоретической мысли. На середину XIX в. приходится возникновение многочисленных общинных теорий. Это связано с общественно-политической борьбой того времени. Политические взгляды потребовали исторического обоснования происхождения сельской общины, изучения ее взаимоотношений с государственной властью, определения роли и значения общины в жизни крестьян. Однако эти вопросы ставились и решались исключительно на русском материале.

Своего рода толчком к дискуссии между западниками и славянофилами послужили исследования А. Гакстгаузена, который, как говорили, «открыл» крестьянскую общину в России. Его путевые впечатления